

**БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА**

4
(681)

Э. ПОЛЯНСКИЙ

**ЭКЗОТИЧЕСКАЯ
КОРОВА**

Эдуард Полянский родился в 1939 году.

Сойдя со школьной скамьи, сразу же начал усиленно познавать жизнь — работал курьером, токарем, рабочим сцены, кладовщиком, тискальщиком в типографии. В сатирика переквалифицировался после окончания факультета журналистики МГУ, который посещал по вечерам. В освободившиеся от учебы вечера пишет рассказы и фельетоны. Часть рассказов вошла в первую книгу автора, вышедшую три года назад в «Библиотеке Крокодила». Настоящий сборник составлен из фельетонов.

Э. ПОЛЯНСКИЙ

ЭКЗОТИЧЕСКАЯ КОРОВА

Рисунки Г. ОГОРОДНИКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА 1973

И какой же сельский житель не любит быстрой езды! Уж не тот ли, который живет по реке Ветле и ее притокам? Уж не он ли, много раз увязавший в жирном суглинке дорожной колеи, полюбил безмоторный вид передвижения?

О, конечно же, нет!

Биплан «АН-2» несет приветлужца над жирным суглинком, над «газиками», заночевавшими в нем, над полями со шрамами вдоль обочин дорог (техника шла в обход), и сердце его замирает не только от скорости, но и от печали.

Статистика приветлужских районов утверждает: накануне жатвы барахлило более половины тракторов и грузовых автомобилей. Их подлечили, но на прикол до жатвы не поставили. Да и поставишь ли, если разлинованная шинами дорога, словно в сети, ловит маломощную технику. И лошадиные силы тракторов, автомобилей «ГАЗ-51» просто необходимы для спасательных операций. Они необходимы для доставки молока из отдаленных бригад. На них совершают пассажирские перевозки.

Перед самой жатвой, когда льняные поля отливают золотом, они, натруженно урча, сворачивают с дорог и спешно залечивают свои свежие раны. А потом в разгар уборки у них глохнут двигатели, летят передачи, заклинивает подшипники, немеют стальные органы. Замирают без тяги прицепные механизмы: льнотеребилки и льномолотилки. Драгоценные часы уходят на оживление техники. А прогноз пророчит непогоду.

Эх, дороги! Их удобно изучать по карте края. Тут они аккуратные, зовущие, с автобусным сообщением. С борта «АН-2» наблюдать их тоже нехлопотно, хотя скопившаяся в них вода и ослепляет отраженным солнцем.

Но спрыгните на приветлужскую землю с приземлившегося самолета, поколесите по ней на «газике», и вы воспримете дороги нес-

колько иначе. Вы забудете, как выглядит автобус: здесь это редкость. Ваши ноги до колен покроются слоем глины — «газик» придется подталкивать. Зовущей для вас будет лишь дорога на аэродром.

Вам встретятся волоки. Почти у каждого, как у горного пика, свое название. Но волок — это не пик. Это узкая дорога, прорубленная в лесу. Ветви деревьев ласково глядят ветровое стекло, предательски расступаясь перед машиной. Под колесами никогда не просыхающее месиво. Большинство таких лесных дорог «газику» не покоряется. Преодолевают их на порожних бензовозах или тракторах.

Хитряевский волок ведет из центральной усадьбы совхоза «Победа» в одну из бригад. Директор совхоза пробирается по нему на пожарной машине в сопровождении эскорта из двух гусеничных тракторов.

Масштабен и злопамятен Маруськин волок. Исполинской змеей вьется он по территории двух совхозов. Мощным трактором «С-100» совхозы валили лес по краям волока. Пока не подкараулил волок стального коня в Сухом логу и не сковал мощные гусеницы. Лишь через две недели выручили его два трелевочных собрата, присланные леспрохозом.

Но есть еще безымянные, вовсе не пуганные мотором волоки — их покоряют пешком.

А здешние коварные реки любят, когда их объезжают за много километров в поисках моста, брода или переправы.

Когда легкий на подъем «АН-2» унесет вас в благословенный мир городского асфальта, вы, потирая ушибленные места, сообразите: «Должно быть, мучаются приветлужцы без дорог?»

И вы будете недалеко от истины.

Мучаются механизаторы, льноводы, дорожники.

Из-за непреодолимых дорог сельские труженики не всегда могут реализовать льняную тресту. Лен, самая трудоемкая в полеводстве культура, покрывается плесенью, мокнет под дождем, теряет качество.

Зачем весной сыпали на посевы льна торфо-перегнойную крошку, а ближе к лету боролись с бандой сорняков — с пыреем ползучим, с плюшкой и повиликой? Зачем травили льняную блоху и льняного червя? Для чего теребили поспевший лен, вязали в снопики, молотили, расстилали на лугах, песчаных полянах и караулили час, когда он, вобрав в себя августовские росы, дойдет до тресты?

В Древнем Египте виновные в гибели урожая льна карались смертной казнью. Слава богу, мы крови не жаждем. Мы даже не уподобляемся районным автоинспекторам, которые причины автомобильных аварий видят в чем угодно, только не в состоянии дорог. То у них виноват шофер, то транспорт. А о дорогах — молчок.

Отчасти их можно понять. Им нужен нарушитель как таковой. Чтоб наказать его по всем правилам. А дорогу, сами понимаете, к ответственности не привлечешь.

В отличие от них мы не закрываем глаза на дороги. Мы помним, что многие трассы не имеют твердого покрытия. Мы видим такую же, как копошатся на них дорожники, как на отдельных участках засыпают они ямы и выбоины, поднимают уровень дорог, грейдеруют их, холят и пестуют. Но это на отдельных участках. На большее у дорожников зачастую не хватает техники.

И пока сердце приветлужца замирает от скорости лишь на борту «АН-2». Параллельно оно замирает от печали. Приветлужец подсчитывает стоимость транспортировки воздушным путем масла, сыра и другой продукции. Он прикидывает, сколько урожая недодадут в этом году кислые почвы: весной районы не смогли завезти нужное количество извести.

Да мало ли о чем может призадуматься приветлужец, пролетая над скользкими, как мыло, земными трассами!

НУ ЧТО
СКАЗАТЬ
ВАМ ПРО
ЛЮБОВЬ

Ох, как трудно руководить этой областью человеческих отношений, контролировать ее, направлять! Нет у нас вышестоящей инстанции, призванной следить за любовью. И никто не думает о создании министерства или на худой конец управления по делам любви.

Есть, конечно, загсы. Но они только регистрируют любовь, не

руководя ею. Влюбленные по собственной, зачастую стихийной инициативе подают заявления. А через месяц, одетые с иголки, они салютуют себе шампанским, обмениваются кольцами, оставляют в архиве свои автографы и укатывают в неизвестном направлении.

На этом загсы теряют их из виду. И уже ни одна должностная душа не осуществляет над ними контроля.

Кроме Пронина Василия Капитоновича. Этот товарищ является начальником орготдела при горсовете. И в силу своей должности занимается всяческими вопросами. Сегодня его, к примеру, интересует торговля, завтра — любовь, а послезавтра он сопоставляет обе сферы и находит в них противоречие.

Беда в том, что любовь охватывает все большее число граждан. Граждане, как детсадовцы, разбившись на пары, спешат в упомянутые загсы. Там им вручают расписанные золотом приглашения. Чтобы они не перепутали дату бракосочетания. И чтобы приоделись и приобулись соответственно моменту. В специальных магазинах по торговле дефицитными промтоварами.

Дефицит же есть дефицит. Его любят все: и холостяки и ветераны брака. Но ветеранам труднее. Ибо чем больше влюбленных оформляют отношения, тем больший вакуум на прилавках.

Задумаешься... Так ли уж безобидны браки? Не нанесут ли они непоправимый урон нашей торговле? И нельзя ли хотя бы часть будущих супругов отсеять, обделить дефицитом?

И Василий Капитонович собирает совещание по торгово-любовым вопросам.

— У меня, — говорит он, — не укладывается в голове, с какой стати мы всех бракосочетающихся поголовно награждаем приглашением...

Ведь многие субчики разводятся и как ни в чем не бывало являются в загс для повторного бракосочетания. И мы, допуская нелепую глупость, снова поощряем их. Посредством того же приглашения.

Пора сформулировать: «Не сберег первую семью — получай вторую без приглашения и дефицитного товара!» Осуществление этого принципа поправит и дела торговли, учитывая количество повторно сочетающихся. (Аплодисменты работников прилавка.)

И вот что вскоре случилось.

Игорь Круглов влюбился в Зинаиду Уткину. Не подумав хорошенько, не заглянув к ней в документы, не согласовав своего чувства в орготделе. Хотя она и была разведенная. И хотя лично он особых отметок в паспорте не имел.

В загсе им выдали одно приглашение. Для Игоря.

«Дорогой жених! — говорилось в нем. — На Ваше бракосочетание Вы можете пригласить родных и знакомых».

— Позвольте, а где же приглашение для дорогой невесты? — растерялся Игорь. — С кем я буду, с вашего позволения, сочтаться?

— Очень сожалеем, но есть указание товарища Пронина: таким, как ваша невеста, приглашений не выдавать. Пригласите ее в числе родных и знакомых. Авось, не рассыплется.

— Не понимаю, отчего такая дискриминация невесты? — поразился жених. — Почему она должна проникать в загс воровским манером, смешавшись с родными и друзьями? Да и как смешаться? Все равно фата и белое платье выдадут.

— Не выдадут, — успокоили его. — Где она их возьмет без приглашения?

— В самом деле, — подхватил Игорь, — где она их возьмет? Я на жениховское приглашение расфуфырюсь, а невеста на моем фоне предстанет бедной родственницей? Так?

— О чем же вы думали, когда влюблялись? Пораскинули бы мозгами, взвесили бы ее темное прошлое. Возможно, и не пришли бы сюда.

— Какое темное прошлое? — удивился Игорь. — Она без судимостей.

— Этого еще не хватало! — возмутились работники загса — Довольно и того, что разведенная она! Или вы, прежде чем влюбиться, не заглянули в ее паспорт?

— А заглянул бы — не влюбился? — спросил Игорь.

— Влюбились бы, — ответили ему. — Ежели вам наплевать на закон.

Вот. Сболтнули о законе. Возбудили в Игоре любопытство. Пошел он в горсовет. «Дайте, — говорит, — одним глазком взглянуть на закон, который направлен против любви». А где его взять, закон-то, если нет его? Не написан он никем. Не подписан. Не издан.

Игорь — в Москву. Мечется по столице, ищет ведомство, которому подчиняется любовь. Не находит. Так как министерство любви, повторяем, еще не сформировано. И никто не в состоянии ответить ему ясно и категорически, какие санкции предусмотрены в отношении повторно брачующихся. Ведь единой точки зрения нет.

Я, например, познакомившись с торгово-любовными мероприятиями товарища Пронина, полагаю, что он мог бы ограничиться в данном случае позицией стороннего наблюдателя.

Тем более что в любви, как известно, третий лишний.

— Так что расходятся, Зорька, наши пути, — говорил Алексей Минаев своей корове, десяти лет от роду, весящей без малого шестьсот кило. — Так что съезжу я в район насчет сдачи тебя государству.

Признавшись корове в этом суровом намерении, Алексей Минаев отправился из своего колхоза в приемный пункт откормочного совхоза «Изобилие».

— Так что имею сдать одну крупную рогатую единицу, — обрадовал он заведующую приемным пунктом. — Когда скажете пригнать?

— Всю жизнь мечтали о вашей единице! — почему-то не обрадовалась заведующая. — Ни к чему она нам.

— Кому это «вам»? — не понял Минаев. — Кто вы такие есть, как не государственные лица по заготовкам скота? А государству моя корова очень даже необходима.

— Я подчиняюсь не государству, а директору совхоза товарищу Нестроеву, — увильнула от скользкой темы заведующая.

...Сидор Иванович Нестроев пребывал в глубокой задумчивости.

— Имею корову, — предупредительно кашлянув, обратился к нему Минаев.

— Ну и население пошло! — оживился товарищ Нестроев. — Поразвели скота, и каждый норовит что-нибудь сдать. Кто корову, кто свинью...

— Подобное явление в свете новых закупочных цен вполне закономерно, — эрудированно разъяснил Минаев. — У меня вот две коровы и бычок, согласно Уставу. Стельную я себе оставляю, а Зорьку желаю сдать. Она у меня высшей упитанности. А это по руpee семьдесят восемь за кило. А не по руpee ноль три копейки, как в прошлом году. Сам рассуди, у меня с государством обоюдная заинтересованность: ему подавай мясное изобилие, а мне — наличные. У меня три мальчика в институтах обучаются, и я желаю одеть их по городской моде.

— До чего все грамотные стали! — ужаснулся товарищ Нестроев. — Может, подскажите, где мне разместить ваш скот?

— Не моя это печаль, Сидор Иванович, — гордо отреагировал Минаев. — Моя печаль — скотину выкормить. А подготовка помещений для скота составляет вашу функцию.

— Считаю аудиенцию законченной, — обиделся Нестроев. — Передавайте своей корове привет. Пламенный.

Минаев звонит в Опушкинский райисполком.

— Имено, — говорит, — дорогие граждане, корову. Шестьсот кило. По имени Зорька.

— Поздравляем, — отвечают ему на другом конце провода. — Искренне рады. От души жмем руку. Но лично мы коров не принимаем.

— Если корову не примете, отвезу ее в область, — обещает он. — Со всеми вытекающими последствиями.

— Счастливого пути! — отвечает ему. — Только не забудьте приобрести для своей коровы купированное место. В общий вагон ее не пустят.

Тогда Алексей Минаев звонит в «Крокодил»:

— Поспособствуйте в деле сдачи коровы!

И вот я еду и рассуждаю сам с собой: почему у Алексея Минаева не хотят принимать корову? Возникают две гипотезы:

1. Перегружен мясокомбинат.

2. Не хватает вагонов для перевозки скота.

Но два коротких интервью — и от этих гипотез ничего не остается.

Первое интервью дает директор мясокомбината.

— Шкуросъемка, нутровка и распиловка туш ведутся у нас по графику, — говорит он. — Весь опушкинский скот, поступивший к нам, своевременно обработан. Коллектив мясокомбината полон решимости принять от опушкинцев остальную живность, предусмотренную графиком. Но она так и не поступила.

Второе интервью получено у железнодорожников. График погрузки живности они не нарушали. Выделены вагоны сверх плана.

Еду в Опушкино. И опять рассуждаю сам с собой. С одной стороны, население района мечтает сдать скот. С другой стороны,

мясокомбинат готов с радостью принять его. Так где же оно, это таинственное препятствие на пути коровы к прилавку магазина?

Брожу я по колхозным селам района и наблюдаю.

Чуть ли не в каждом дворе требовательно мычит крупный рогатый скот, давно созревший для переработки на колбасные изделия. Под тяжестью собственного веса жалобно похрюкивают свиньи, готовые превратиться в окорока. Уже телефон в кабинете директора откормочного совхоза визжит, как поросенок. Уже хозяева скотопоголовья сорвали голоса, две недели повторяя: «Имею корову» или «Имею свинью» — и добавляя: «Примите ради бога!»

Но директор Сидор Иванович Нестров — единственный в районе человек, наделенный правом принять или не принять, — сохраняет глубокую задумчивость.

— Откормсовхоз не перевалочная база, — просвещает он меня. — Наша задача — поддерживать животное, обласкать его, откормить, добиться привеса.

— И какой же привес дан вами скоту, закупленному у населения? — интересуюсь я.

— К сожалению, случился не привес, а, так сказать, отвес, — печально констатирует Сидор Иванович. — Беда в том, что частный скот избалован на домашних харчах. Наш корм он как бы не воспринимает.

— Странная публика, — удивляюсь я. — Жрать жрут, а, стало быть, не поправляются?

— Коровы-то остались при своем интересе, — продолжает Сидор Иванович. — А хавроньи много кило потеряли. Часть из них умудрилась переломать себе ноги и головы, а одна заболела нервной болезнью. Ума не приложу, чего им не хватает!..

И очень жаль мне стало Зорюшку Алексея Минаева. Что ждет ее, привыкшую к уютному хозяйскому хлеву, в откормочном совхозе «Изобилие»? Либо коровник, выдержанный в архитектурном стиле «Решето», либо просто небо над головой. Все в дырах: пол, стены, крыша. Сквозняки, под ногами глубокие ямы, лужи, затянутые льдом.

Ждет Зорюшку и моральная пытка от Сидора Ивановича Нестрова.

— Избаловались у хозяев! — будет ворчать он. — Подавай им теплый санузел! А иначе у них, фу-ты ну-ты, нервная болезнь развивается!

И попрекнет ее клоком прелого сена.

В ОБЩЕМ И ЦЕЛОМ

Позвольте начать с личного: при пересадке на самолет авиалинии местного значения я вывихнул ногу. Факт сам по себе малопримечательный, если бы не одно обстоятельство. Среди моих попутчиков оказался студент-медик, который исцелил меня за каких-то десять минут. Он не давал мне лекарств и не трогал мою ногу. Он применил внушение.

— Вспомните, дорогой гражданин, — сказал он, — что, кроме вывихнутой ноги, у вас имеется огромное количество абсолютно здоровых органов. Это и вторая нога, и руки, и уши, и нос. Я уж не говорю об органах пищеварения, которые, судя по вашему цветущему виду, прекрасно функционируют. Так что в процентном отношении больная нога занимает у вас мизерное место. Поэтому в общем и целом вы здоровы.

Мне стало стыдно: столько у меня здоровых органов, а я знаю себе думаю об одной ноге. Взял и подумал о почках, о сердце и поджелудочной железе. Потрогал уши, пригляделся к языку. И, верите ли, боль в ноге притупилась.

«АН-2» приземлился, я без посторонней помощи спрыгнул на землю и твердо зашагал к автобусу.

Дальнейшее, как ни странно, было продолжением этого малопримечательного происшествия.

В Степном районе меня заинтересовала судьба орошаемых гектаров. словно кровь по сосудам, бежит по ним вода нескольких каналов, разбиваясь на тысячи внутрихозяйственных ручейков, добросовестно утоляющих жажду полей. Но добросовестность ручейков находится в прямой зависимости от деятельности здешней ПМК. Эта передвижная механизированная колонна по договорам с колхозами и совхозами взялась ремонтировать и реконструировать оросительную сеть. Но на деле, с одной стороны, мы имеем заказчика, который исправно выкладывает деньги, а с другой — подрядчика,

который с радостью их получает. Хотя, по общему мнению руководителей хозяйств, и не вполне заслуженно.

Я встретился с начальником ПМК.

— Не выполняете взятых на себя обязательств, — говорю я ему. — Воду весной пустили позже. Неоперативно выезжаете на вызовы. Два года тянете со сдачей оросительной системы в совхозе «Дольский».

— Так-то оно так, да не совсем, — отвечает он. — Кроме порочащих фактов, у нас имеется сколько угодно славных свершений. Труженики нашей ПМК, не щадя собственных сил, оберегают каналы от заиливания, самоотверженно ремонтируют сооружения, полны решимости и в дальнейшем не сбавлять темпов. Поэтому на фоне общего энтузиазма перечисленные вами упущения как бы не смотрятся, тускнеют. Я думаю, в общем и целом организм нашей ПМК следует признать здоровым.

После таких слов мне оставалось лишь уйти от стыда подальше: чуть было не охаял почтенную организацию. Пошел я в контору совхоза «Дольский» и возмущился:

— Вот вы ругаете ПМК, а она, если высчитать в процентах, приносит заказчику много радости. И в общем и целом оставляет неплохое впечатление.

— А мы землю не в общем и целом орошаем, а погектарно, — отвечают мне. — И не процентами, а водой. Которую, между прочим, третий год ждем.

Тоже, думаю, справедливое замечание. Кто же прав в оценке деятельности ПМК — заказчик или сам подрядчик? Не прибегнуть ли к помощи третьей организации, разумеется, компетентной? Например, к помощи треста, которому подчиняется ПМК.

Возвратившись в Москву, захожу в трест.

— Зреет в рядах тружеников полей недовольство Степной ПМК, — довожу до сведения управляющего. — Тень ложится на весь трест.

— Можете успокоить земледельцев Степного района, — отвечает управляющий. — Конечно, данная ПМК не фонтан. Директор никак создание собственной базы не завершит. Это правильно. Но эта ПМК — маленькая частичка большого организма. А сколько в системе треста грандиозного! Во всех уголках России сражаются наши ПМК с засухой, осваивая миллионы рублей.

И он с пафосом зачитал мне показатели по тресту за прошлый год и за первый квартал года текущего. Передо мной развертывалась величественная панорама оросительных работ.

— Так что в общем и целом трест с поставленными задачами справляется, — заключил управляющий. — Так и передайте труженикам полей. Чтобы они не волновались.

Я, конечно, сразу звоню в Степной район.

— Успокойтесь, товарищи, все в порядке, — говорю. — Трест в общем и целом с задачами справляется. По Российской Федерации у него весомый вклад в орошение.

— Очень рады за Российскую Федерацию в целом, — отвечают на другом конце провода. — Но у нас в некоторых местах земля пятнами пошла. Вторичное засоление почвы начинается.

«Тоже скверно», — подумал я. И пошел в министерство, к начальнику управления. Рассказал ему про вторичное засоление. А также о претензиях полеводов к Степной ПМК.

— Конечно, почва не огурцы, чтобы ее солить, — рассудил начальник главка. — Но претензиями к ПМК вы меня, по правде говоря, удивили. В подведомственном мне главке тридцать ПМК. И общая картина у нас складывается радужная. Поступают слова благодарности из Астрахани и с Дальнего Востока. Прибавьте сюда многообещающие перспективы, и вы увидите, что в общем и целом...

— Насчет общего и целого я уже осведомлен, и оно меня тоже радует, — сказал я и захромал к выходу.

— Что у вас с ногой? — проявил заботу начальник главка.

— Нога — это частность, которая в процентном отношении занимает в моем организме мизерное место, — пояснил я. — А общая картина моего организма складывается ничего себе. В общем и целом я здоров. Не извольте беспокоиться.

СОСУД ПАНДОРЫ

Что там ни говори, а художественные достижения человеческого гения не всегда воспринимаются, так сказать, всухую. Некоторые наши сограждане без внутреннего подогрева своего воображения в искусстве ни бельмеса не понимают. Особенно трудно с наследием классиков, где частенько натыкаешься на аллегории и символы, на историческую или мифологическую подоплеку.

Возьмем хотя бы парковую скульптуру. У современных-то авторов еще кое-что понятно. Пионеры у них безо всяких подоплек дудят в горны, гребцы томятся со своими веслами, упитанные дети неал-

легорично сидят над раскрытыми книгами. И, главное, никаких претензий. Да и то многие гуляющие перед осмотром этого нехитрого творчества подбадривают себя крепким напитком. Для духовного прозрения.

А что уж говорить, к примеру, о Петродворце, парки которого утыканы маловразумительной старинной скульптурой. Без подогрева здесь тоскливо и одиноко. Скульптуры стоят сами по себе, а ты ходишь сам по себе. И не чувствуется между вами никакой духовной связи. Но стоит припасть к горлышку, как связь налаживается. Утешаются конечности, и начинает казаться, что ты тоже отлит из бронзы; еще немного — и начнешь требовать, чтобы тебя позолотили.

Дальневосточный студент, скажем, напоровшись в Петродворце на массовое скопление незнакомых ему мифологических скульптур, поначалу оторопел. Все эти Данаиды, Олимпии и Фавны были глубоко чужды его современной натуре. Они стояли на своих пьедесталах и навевали скуку. А он, между прочим, покрыл огромное расстояние не в поисках тихой грусти. Ему хотелось громкой радости.

Радость оттягивала внутренний карман пиджака. Пилось в обстановке всеобщего фонтанирования легко и приятно. Статуи на глазах преображались. Олимпия, несчастная женщина, отданная на растерзание морскому чудовищу, жеманно склонила в сторону студента свою изящную головку. Мужеубийца Данаида, обреченная вечно наполнять водой бездонный сосуд, отвлеклась от своего бессмысленного занятия и тоже заинтересовалась им. Фавн, покровитель стад и пастухов, любезно предложил ему бронзового барашка на шашлык.

— Маруська, ты мне нравишься, — обратился студент к Данаиде, не подозревая о ее уголовном прошлом. — Слазь, говорю тебе, сюда! Брось, грю, брызгаться!

Язык его постепенно бронзовел, конечности набирали вес. Уснул он у ног мужеубийцы. На ней обольстительно искрилась позолота. На нем был черный пиджак и брюки в полоску.

Подбоченясь, сплетничали Римские фонтаны. Златокудрая Пандора, откупорившая из женского любопытства сосуд с несчастьями и пороками, возвышалась над Большим каскадом. Она хорошо видела инженера, приехавшего сюда с берегов Черного моря. Опорожнив тару, он сосредоточил свое внимание на скульптурной группе «Самсон, разрывающий пасть льва».

Самсон был в неглиже. Он демонстрировал свое атлетическое тело и рвал пасть льву-подростку.

На инженере был зеленый свитер, серые брюки и коричневые сандалеты. Несмотря на этот не совсем библейский наряд, он ощутил прилив нездоровой зависти к Самсонову подвигу. Он огляделся в поисках льва, но увидел рыжего кота.

— Кис-кис, — обратился к нему инженер. — Подь-ка сюда, шельмец...

Но кот был современный, не мифологический. Настигнуть беглеца инженеру не удалось: он рухнул у фонтанов.

А где-то рядом Сирены завлекали на неверную стезю домоуправа из Прибалтики. Он выпил чуть-чуть лишку, и это позволило ему услышать пение бронзовых Сирен, чего другие посетители парка были лишены. Но вероломство Сирен всем известно. Мало им погубленных моряков, так они теперь принялись за коммунальщиков. Упал домоуправ на газон подле фонтанирующих Сирен.

Увы, спиртное помогло нашим героям наладить душевный контакт с героями мифологическими. И в конце концов они сами уподобились статуям, хотя никакой культурной и исторической ценности из себя не представляли. Но опись на них все-таки составили. Не для музея, а для местного выпрезвителя.

Говорят, кое-где домашний скот и птицу пробуют откармливать под звуки тихой, мелодичной музыки. Под музыку, оказывается, лучше жуется, заглатывается и переваривается.

Не берусь высказываться за коров и кур. Тут для объективности суждения надо влезть в их шкуру, в их оперение. Пожевать и поклевать за них под музыкальное сопровождение.

Могу лишь поделиться личными впечатлениями о столовой города Заозерска. Правда, питался я там не под музыку. Мне, как едоку

с более разнообразными духовными запросами, предложили архитектурно-историческое сопровождение. На красочном, во всю стену панно был изображен монастырь — детище подмастерья каменных дел Аверкия Монахова. Из глубины веков в сегодняшние общепитовские будни с интересом вглядывались купола Успенского собора, церкви Богоявления, Филиппа и архистратига Михаила.

На фоне этого прекрасного творения рук человеческих хотелось разжевать и усвоить продукт не менее прекрасный.

Но такого продукта в столовой как раз и не было. А был заведующий общепитом Даниил Семенович Бабкин. Понятное дело, абсолютно несъедобный.

— Знаете ли вы, что наш монастырь сооружен по указанию патриарха Никона триста лет назад? — спросил он, подсев за мой столик.

— А скажите, винегрет — тоже отзвук далекой эпохи? — поинтересовался я.

— Винегрет — более поздняя поделка, — ответил Даниил Семенович, повертев в руках не съеденный мной на 70 процентов винегрет. — Двадцатый век. Год 1973-й.

— А месяц, месяц? — трагически спросил я.

— Ах, месяц, месяц! — пропел Даниил Семенович. — Месяц для истории неважен. Важна эпоха.

— Значит, сейчас эпоха прокисшего винегрета? — заключил я.

— Вы же культурный человек, — пристыдил он меня. — Вам для души что — винегрет нужен или исключительно живописная группа монастырских строений? Взгляните на это московское барокко, на эти наличники и порталы, на эти декоративные вставки с растительными мотивами.

— Растительными мотивами сыт не будешь, — рассудил я. — Они малокалорийные.

— Взгляните на собор, который как бы вырастает из низкой, опоясывающей его галереи, — словно не расслышав меня, продолжал Даниил Семенович.

— Взгляните на этот хрящевидный предмет, который как бы вырастает из опоясывающего его супа, — подвинул я к нему тарелку с не съеденным мной на 80 процентов содержимым.

— Какого супа? — зашарил он глазами по панно, как бы пытаясь обнаружить среди куполов и башен намеки на суп.

— Не знаю какого, — откровенно признался я. — Рассольника, перлового, харчо. По вкусовым ощущениям точно не установишь.

— Кстати, об ощущениях, — вспомнил Даниил Семенович. — Монастырь находится на острове. Вы смотрите на него с высокого берега сквозь едва заметную дымку, парящую над озером, и вам чудится что-то сказочное; нереальное, почти мираж. Здесь великое былое словно дышит в забытии...

— Великое,— подтвердил я.— Чего не скажешь о котлетах.

— Монастырь донес до нас неувядаемую свежесть народного творчества,— продолжал он.

— Чего не скажешь о котлетах... — настаивал я.

— Скупыми средствами достигнута величественная гармоническая и возвышенная красота,— отчеканил он, заглянув в справочник для туристов.

— Чего не скажешь о котлетах,— упорствовал я.

— Чего, собственно, о них не скажешь? — не выдержал Даниил Семенович.

— Не скажешь, что они образы большой силы,— выпалил я и показал ему котлеты, не съеденные мной на 90 процентов.

— И это называется представитель интеллигенции! — возмутился Даниил Семенович. — Котлеты ему важнее сокровищ национальной культуры. Да вы только посмотрите, как сияют на куполах подкрестные яблоки!..

— На куполах сияют, а в компоте — отнюдь,— вздохнул я.

— Неужели вас не радуют запечатленные на панно голубые воды озера? — воскликнул Даниил Семенович.

— На панно радуют,— сознался я. — А в стакане нет. В стакане должен быть компот, а не голубые воды озера.

И я показал ему то, что в меню названо компотом. Целехонькое на сто процентов.

— А хотя бы и голубые воды,— подхватил Даниил Семенович. — Считайте, что это фирменный напиток. Истинный ценитель всего исторического и архитектурного выпил бы его с пониманием.

Компот я не выпил. Но кое-что понял. Произведение Аверкия Монахова не архитектурно-историческое сопровождение, а основное блюдо заозерской столовой. Вам предлагают его на закуску, на первое, второе и третье. Вы утоляете духовный голод. И если памятник старины оказался вам безвкусным,— ответственность несет не Даниил Семенович Бабкин. За это отвечает либо автор панно, либо тот же Аверкий Монахов.

А насчет коров и кур я не в курсе. Возможно, что калорийность музыки не ниже калорийности сена и зерна. И пора ее сыпануть в кормушки.

Конечно, в этом случае за отсутствие привеса спрашивать надо будет не с животноводов.

Пусть за все отвечают композиторы.

ЭКЗОТИЧЕСКАЯ

Все-таки много примечательных существ обитает на земле. Взять хотя бы корову — чрезвычайно экзотическое животное. Мы, конечно, привыкли к ее облику и экзотичности не замечаем. Но отбросьте привычку и взгляните на корову свежим взглядом. Клянусь, вы поразитесь увиденным. Корова покажется вам куда оригинальнее какой-нибудь африканской диковинки.

В городе Ветрянске часть окраинных жителей имеет коров. Другие держат злых сиамских кошек, самоуверенных пуделей, а эти — коров. Коровы привлекают их своим добродушием, спокойной величавостью, гордой осанкой. Ну и попутно привлекают их молокопродукты. А также нравится им сдавать мясо государству. Либо продавать его на рынке. Не без того.

Но только самым мужественным горожанам под силу такое хобби. Поскольку корова не шифоньер. Ее не поставишь в горницу как недвижимое имущество. Она движется и мычит, желая заполнить пустоту в желудке. А желудок у нее как раз шифоньерной емкости. В одиночку не загрузишь.

Загружают, сплываясь в товарищества животноводов. В коллективах сподручнее защищать коровьи интересы. Хотя и с некоторыми трудностями.

Скажем, корова не прочь пожевать комбикорм, который с большими переборами продает магазин № 4. Вообще-то данный магазин

торгует овощами, а уж комбикорм ему попутно навязали. Дрянной это товар для торговли, выручка мизерная, а возни много. Ну и неохотно берутся за него. То, говорят, нечем завезти. То продавец отсутствует.

Отчего ажиотаж получается. Короводержатели с четырех утра выстраиваются в длинную очередь. Как за холодильником или мебельным гарнитуром. Но все равно многим не хватает. Так как завозят по одной машине в день.

А завод комбикормов, кстати, в городе находится. Всего-то и делов — поставить рядом с ним сараюшку. И никакой транспорт не нужен. Торгуй на радость населению. Так нет, создают ажиотаж.

А ближе к лету встают пастбищные вопросы: кто будет пасти, где будет пасти, как будет пасти?

Всем обществом рядят пастуха. Пастушечьи кадры, как правило, пополняют истопники. В большинстве — пьющие. С непьющими почему-то заминка выходит. Не откликаются они на объявления. Может, не на столбах и колодцах надо вывешивать, а пропускать через местную газету? Да накладно выходит. Пусть что-нибудь другое печатают. Пусть пишут о пользе индивидуального короводержания. О необходимости заинтересовать население.

Деньги же и так текут между пальцев. Пастуху за сезон по восемьдесят рубликов с коровы отдай. Если он оформлен через комбинат бытового обслуживания, восполняй ему налогоотчисления. За прогон под выпас, за покос заплати. Быка содержи. А он за месяц, проклятуший, сто кило кормов переводит. За охрану быка тоже платить полагается.

Да мало ли чего? Так недолго и пожертвовать своим хобби. И многие жертвуют: кто молодняк сдает, кто вообще разочаровывается в короводержании. Не без того.

В товариществах остаются наиболее испытанные любители крупного рогатого скота.

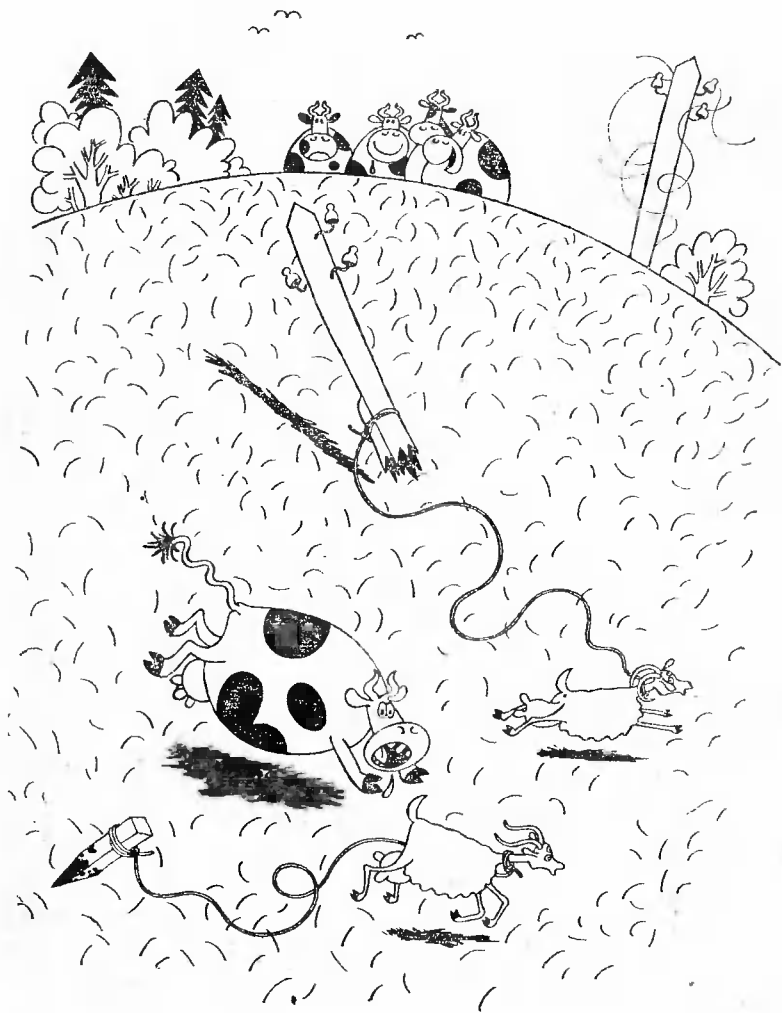
И когда с их миниатюрных пастбищ сходит снег, они дружно очищают участки от мусора и дохлых кошек.

Прямо скажем, незавидные отрезки земли. Болотина, ямы, вытоптаный лесок — вот удел частной коровы.

Но и на это покушаются.

В Дубковском товариществе что получилось?

Два года назад отвел ему горсовет пять га. Не безвозмездно, конечно. Один год покосили, а на второй козники с претензиями объявились. И самовольно по всему участку навязали свою блеющую собственность. Штук двенадцать навязали. Пригнал пастух коровье стадо, и одна рассерженная корова в сердцах отшвырнула чью-то несчастную козу. Разгорелся конфликт. Горсовет предложил Дубковскому товариществу принять козников в свои ряды.

Но не учли одного обстоятельства. Пять га, которыми горсовет облагодетельствовал дубковских коров, использовались товариществом в основном для заготовки сена. Пасутся же его коровы на земле лесхоза. В леске то есть. На что имеется специальный билет. Воссоединись они с козниками, билет лесничество изымет. Ибо пусть козу в лес, она всю кору обложет. Оттого и не воссоединились.

Не вникнув, горсовет запретил дубковцам покос на злополучных пяти гектарах. Добрых пятьсот пудов сена осталось под снегом.

В корм пошли хлеб и картофель.

И что любопытно. Захотел председатель общества, старичок энтузиаст, пожаловаться в область. И не смог. Не нашлось в области организации или хотя бы лица, непосредственно ведающих делами товарищества.

Спросите у какого-нибудь областного руководителя, сколько в данной области товариществ, и он надолго задумается.

И наконец осторожно ответит:

— Некоторое количество имеется. Не без того.

НЕСОВМЕСТИМЫЕ КАЧЕСТВА

Оказывается, смелость и благородство — эти прекраснейшие качества человеческой души — не всегда совместимы. Если, допустим, человек желает проявить смелость, ему не обязательно удастся быть при этом благородным.

Разумеется, все зависит от обстоятельств. Я тут кое-чего расскажу, а вы уж сами делайте выводы.

Начнем с Эскулапова Алексея Сергеевича. Летним вечером в помещении Приозерского отделения Союза художников творческий коллектив пил за одного уходящего, как принято говорить, на заслуженный отдых коллегу. Тут-то Эскулапов и совершил свой смелый поступок. На глазах у собратьев по творческим поискам он бесстрашно напал на секретаря худфонда Катю, типичную представительницу прекрасного пола. Повод был основательный: Катя в ответ на недвусмысленные домогательства Эскулапова наградила его пощечи-

ной. Возмущенный живописец тремя точными ударами сбил Катю с ног. И, в последний раз опрокинув рюмку за уходящего на заслуженный отдых собрата, покинул помещение.

Если в действиях молодого художника сквозила смелость в отрыве от благородства, то благородство в отрыве от смелости оказалось уделом Льва Антоновича Буклеева, председателя отделения Союза художников. В связи с избиением сотрудницы в нем заговорил чувство благородного негодования. Оно даже было оформлено приказом, в котором Эскулапову объявлялся строгий выговор. Но тут обнаружилось, что Катя прошла экспертизу и уже собралась подать на Эскулапова в суд.

Ее намерение всех напугало и как бы подменило.

Смелость Эскулапова отступила перед Уголовным кодексом. Боясь возмездия, он использовал форму заявления для благородного раскаяния. Проявил порядочность задним числом. Начертал так: «Прошу уволить меня по собственному желанию. Чувствую, что недостойн быть художником и работать в вашем коллективе».

Льву Антоновичу в частном определении суда виделись два пункта. Первый — пьянка, приведшая к печальному инциденту, организована в помещении Союза художников с ведома его руководства. Второй — избиению секретаря худфонда в тот вечер предшествовала драка между самим Львом Антоновичем и художником Филькиным. «Не подал ли Эскулапову пример сам председатель? — спросит суд. — И не следует ли из этого сделать выводы?»

Вот каким ветром сдуло чувство благородного свойства, заговорившее было у Льва Антоновича.

И, между нами говоря, это именно он порекомендовал Эскулапову уволиться по собственному желанию. А пострадавшей дал совет в суд не обращаться.

И Катя рассудила: «Ну, защищу я свою честь, накажу Эскулапова, а дальше что? Дальше начальство съест меня вместе с моей честью. И, можно предположить, не поперхнется. Нет уж. Понегодую в кругу друзей для разрядки — и достаточно. Так спокойнее».

Как видим, смелость и благородные порывы не всегда совместимы. Для большей убедительности введем в фельетон еще одного героя — художника Икс. Он и сообщил в редакцию об этой грустной истории. Его письмо — благородный жест. Но при встрече с корреспондентом он пожелал сохранить инкогнито.

В общем, прежде чем проявлять благородство, нужно хорошенько взвешивать обстановку: безопасно ли будет? Если нет, лучше благородные порывы попридержать. Или хотя бы сохранять инкогнито.

МЕРА активности

Старички нынче пошли активные. В хорошем смысле этого слова. Они не замыкаются в четырех телевизионных каналах, не ограничиваются чаем с вишневым вареньем. А несут общественно полезные нагрузки.

Вот конкретное лицо — Ромашов Виктор Алексеевич. В прошлом мастер механического завода. Отмахал семь десятков, а по-прежнему всюду поспевает. Он и председатель товарищеского суда и рабкор местной газеты «Заря».

Короче говоря, ветеран, которому полностью сочувствует общественность. А также на пятьдесят процентов — администрация завода.

Об этом-то и пойдет речь. Насчет оставшихся пятидесяти процентов. Во что они вылились и по какой причине.

Тут все запутал, можно сказать, сам старичок.

Был бы Ромашов только председателем товарищеского суда, никто бы и не пикнул. Пожалуйста, пусть суетится. Если ему ног не жалко.

Но Виктору Алексеевичу одной нагрузки мало. Председательской суеты на весь пенсионерский день ему не хватает. Недостаточно сна его изматывает. Пошел он в редакцию «Зари».

А там ему, конечно, рады. Посадили на стул. Все-таки не с пустыми руками пришел. С рукописным материалом. И с тремя документами, подтверждающими материал.

Первый документ — докладная. Техник ЖКО Лапченко в лаконичном стиле извещает руководство завода: «Довожу до вашего сведения о том, что Зудев В. П. в присутствии кладовщицы Поповой Г. К. обозвал меня нехорошим словом».

Прочитали в редакции докладную и удивились. С чего бы Зудеву В. П., инженеру ЖКО, потерять контроль над собой? Ну ладно,

обозвал нехорошим словом. Это не странно. Это бывает. Странно, что при свидетеле. Тут у него явная потеря бдительности. По неизвестной пока причине.

И тогда Ромашов зачитывает вслух, словно на заседании товарищеского суда, остальные документы. И картина с Зудеевым проясняется.

Оказывается, в тот день он пришел на работу пьяным и сразу же потерял над собой контроль. Заперся в чужом кабинете, щелкнул выключателем и на оклики сослуживцев не отвечал. Сослуживцы взломали замок и тоже щелкнули выключателем. Инженер улыбался. Как сказано в акте, цинично. Оказал сопротивление. И произносил нехорошие слова. Одно из которых, как я уже говорил, справедливо взволновало техника Лапченко.

Выслушали сотрудники редакции Ромашова и возмутились. А он — дальше. Дескать, так и так, виновата администрация завода. Она плохо борется с нарушителями трудовой дисциплины. Она позволила Зудееву уволиться по собственному желанию. А не по сорок седьмой статье. По одной из ее букв.

Тут районные журналисты совсем накалились. Мы, говорят, этого дела не оставим. Идите, говорят, Виктор Алексеевич, и спокойно несите свои общественные нагрузки. И в дальнейшем милости просим. Вы, говорят, для нас желанный друг. Одним словом, рабкор.

И вот через недельку является Ромашов в заводоуправление.

А навстречу ему — начальник отдела кадров. Зазывает ветерана в кабинет и демонстрирует ему свои голосовые данные. Но затем смягчается и говорит с ним более вежливо. Дескать, когда вы знаете меру своей активности и не трогаете нас, мы вас тоже не трогаем. Но поскольку вы нас чувствительно задели, среди бела дня подарив печати порочащие завод факты, мы не можем удержаться от искушения чего-нибудь сделать и для вас. Жаль, что вы пенсионер: вас не уволишь, не объявишь вам выговор. Но вы имеете пропуск на завод, которым пользуетесь как председатель товарищеского суда. И, к великому счастью, в наших силах изъять его.

И изымает у Ромашова пропуск. И тем самым частично пресекает его активность.

Теперь Виктор Алексеевич сидит дома. Пьет чай с вишневым вареньем. И по одному из телевизионных каналов смотрит передачу об активности Солнца.

И завидует светилу. На него не давит заводская администрация. Оно проявляет активность в любых дозах, не страшась пресечения.

ЛЮБОВЬ на СВЕРЖНИЖКЕ

— Любовь, выражаясь языком судебных протоколов, — это совместное ведение хозяйства, — говорил своей третьей жене Андрей Петрович Грущенко. — А развод не что иное, как раздел материальных ценностей, нажитых в процессе любви.

И взор его, взор опытного и неугомонного истца, на всякий слу-

чай инвентаризировал имущество, приобретенное совместно с потенциальной ответчицей.

Любовь и впрямь — коварный предмет. С одной стороны, она, так сказать, лишена заземления, с другой стороны — толкает индивидов на путь приобретений. Полированными шеренгами выстраиваются вдоль стен вместительные шифоньеры, тумбочки для постельного белья, серванты. Их утрамбовывают одеждой, подушками, нержавеющей сталью. Окном в мир о двенадцати каналах прикрывают красный угол, люстрой о пяти рожках — середину потолка.

И хорошо, когда все хорошо. То есть даже приятно наблюдать, как те или иные супруги совместно ведут хозяйство: пользуются одними шифоньерами, одеялами, кастрюлями, телевизионными каналами. Радостно за тех, чье проживание на общей жилплощади озаботится одной и той же пятирожковой люстрой.

У Андрея Петровича вышло иначе.

К своей второй жене, Прасковье Ивановне, он, по собственному признанию, питал чувства благодарного клиента, отождествляя ее с комбинатом бытового обслуживания. Правда, благодарностей жене он за неимением книги отзывов не писал. Но и не жаловался на нее. Тем более что Прасковья Ивановна воспитывала с малых лет его сына от первого брака.

И захотелось Андрею Петровичу перенести совместное проживание в новые стены. Стал он собирать деньги на сберкнижку для строительства рядом со старым домовладением нового. Но замечает, что деньги собираются с большим скрипом и повинна в том жена, Прасковья Ивановна. Не оказалось у нее таланта к экономной жизни, способности к накопительству. Только фундамент и удалось поставить. А также приобрести кое-какие материалы.

«Трудно жить с человеком твердолобым, если он не хочет поставить свой характер в одну колею жизни», — письменно заявил Андрей Петрович и подал на развод.

Их развели, и Грущенко приступил к совместному ведению хозяйства на жилплощади третьей жены. Сын Вася осудил поступок отца и остался с Прасковьей Ивановной, которую любит и почитает, как мать.

С третьей женой Грущенко повезло: ее характер сразу же попал в желаемую для Андрея Петровича колею жизни. Двигаясь этой колеей, они быстренько скопили три тысячи рублей. Но к этому времени барак, в котором чета проживала, снесли, и они переехали в новую квартиру. И хотя надобность в строительстве дома отпала, сколачивание капитала продолжалось. Ибо сумма на сберкнижке уже символизировала для Андрея Петровича состояние любви. Больше денег — крепче любовь.

А между тем деньги, вложенные в предыдущий брак, прозябали в движимом и недвижимом имуществе, подвергаемом воздействию

времени. Пока не поздно, Андрей Петрович решил перекачать их на сберкнижку.

В исковом заявлении, назвав свою бывшую супругу ответчицей, он привел длинный список совместно нажитого: телевизор, ковер, набор нержавеющей вилки, ножей и ложек, подушки пуховые, кастюли, ведра алюминиевые, одеяла ватное и шерстяное, термос с двумя колбами, насосы и опрыскиватель со шлангами и др.

В судебное заседание он, выказав незаурядную память, дополнил: сатина — 6 м, ситца красного — 5,5 м, ситца голубого — 6 м, шотландки — 2 м, декоративной ткани — 2,5 м, полотенца — 3.

Отсудил-таки часть движимого: ковер, ведро, насосы со шлангами. Ткани ни одного метра не вернул. Выдернуть подушку из-под головы ответчицы также не удалось.

Лишил ее сна вторым иском. На недвижимое и стройматериалы. К иску приложил смету на 15 листах («Взыскать половину из 25 рублей, мною затраченных на подготовку и составление сметы»). В смете подведена база под каждую копейку. Стоимость курятника, например, складывается из восьми пунктов, уборной — из девяти. И, конечно, райсуд с большой точностью определил долю истца и вынес решение: взыскать с ответчицы около тысячи рублей.

А как же вы думали — суд учитывает только денежные документы. А что, спрашивается, может представить суду ответчица? Смету своих нелегких домашних хлопот? Или квитанцию о том, что она заменила мать сыну истца? Но все это делалось по любви и по зову сердца. А это, извините, к делу не подошьешь. И где, скажите, взять такую шкалу, чтобы перевести моральные потери в материальные?

Такой шкалы не существует.

Потому-то на сберкнижке Андрея Петровича Грущенко скоро воссоединятся суммы, нажитые в процессе совместного ведения двух хозяйств с двумя супругами.

Юридически бессильные, мы можем только внести с профилактической целью проект неоновой рекламы:

«Граждане! Во избежание морального уродства храните в сберкассах только деньги! Любовь храните в сердце!»

Но воздействует ли этот призыв на Андрея Петровича Грущенко? Ведь если приложить ухо к его груди, услышишь только один звук — шелест сберегательной книжки...

ВЫШЕ НЕ СИГАНЕШЬ

Я медленно бреду по привокзальной площади, впитываю первые впечатления и вдруг слышу за спиной сигнал. Оборачиваюсь, ко мне подруливает автомобиль.

— Куда ехать? — левацким полупшепотом спрашивает шофер.

— Заводская улица. А что?

— Три рубля, — шепчет шофер. — Руб за скорость, руб за риск, руб за одиночество.

— Какое одиночество?

— Которое вы не обнаружите в трамвае номер пятнадцать. Если обнаружите трамвай. Садитесь.

— С удовольствием бы, — говорю я, — но у меня принципы. Не перевариваю вашего брата-«левака» органически.

И я независимо следую к трамвайной остановке.

Вскоре я набредаю на остановку и в ожидании «пятнашки» при- танцовываю от мороза. Со мной танцуют скопившиеся здесь граж- дане. Минут через двадцать хореография прекращается и начина- ется осада подножек. Еще через секунду подножки оказываются полностью укомплектованными. Я остаюсь «за бортом».

Одна надежда — такси. Но такси, оценивающе окидывая меня зеленым глазком, проносятся мимо. Наверное, им не по пути.

Мороз, как известно, имеет свойство крепчать. А человек тянет- ся к теплу, к отзывчивости. Ну, а отзывчивость стоит три рубля. Так что выше своих отмороженных ушей не прыгнешь. «Левак» же тут как тут: издаലെка чует добычу. И я, наступив на горло собственным принципам, поощряю левацкую инициативу и вскоре оказываюсь в кабинете начальника отдела снабжения комбината химволокна Бир- кина. Мы с ним некоторым образом родственные души. У него

аналогичный со мной пунктик: как и я, он люто ненавидит «леваков». Эта общность и привела меня к нему.

— Ну, какие новости, — спрашиваю я, — почтеннейший Николай Петрович, на поприще левачества?

— Жуткие дела, — говорит он, мрачняя. — «Леваки» нагледят с каждой секундой. Домой ползарплаты приношу. А что делать? Кирпич даром никто не даст. Дураков нет.

— Нет, — подтверждаю я. — Все умные.

— На один стоквартирный как-никак 800 тысяч кирпича пошло. Мы жилье за счет фонда соцкультбыта строим. По этому фонду материал не планируют. Ни гвоздя, ни жердочки.

— Эх, жизнь! — вздыхаю я. — За кирпич-то что хапнули?

— Спортивный костюм. И за перекрытия тоже. Директора кирпичного и железобетонного, туда их в дышло, хапнули.

— Спортом, значит, занимаются?

— Им. А железобетонный директор еще и супругу хотел по спортивному одеть. И пришлось еще начальников площадок обоих заводов стимулировать.

— А их зачем? — интересуюсь я.

— Здрасьте! — горячится мой собеседник. — Я же вам втолковываю: Госплан по фондам соцкультбыта не спускает материалов. Миллион в зубы — и чеши на заводы. А у них на площадках плановых заказчиков полно. Между ними днем не встрянешь. Являешься вечером, когда механизмы погрузки и доставки обезлюжены. Доходчиво говорю?

— Выходит, сами грузите? — догадываюсь я.

Биркин нервно хихикает.

— Кровную монету грузим в карманы крановщиков и водителей плитовозов. А в их начальство три звездочки и шашлыки загружаем. Заинтересовываем.

— На какие же шиши? — наивно спрашиваю я. — Начальство ассигнует?

— Как же! Хе-хе, ассигнет оно! Скажете тоже. Только требует. Достать, скажет, девять ящиков гвоздей. И никаких гвоздей.

Биркин подходит к двери и осторожно выглядывает в коридор. Потом, щелкнув замком, шепчет:

— Я вам больше скажу: порой вынужден на преступление идти.

— Как так? — тоже шепотом спрашиваю я.

— А так. Иногда зло берет: почти три года в отпуске не был, костюм блестит, как трельяж, жена стала задумчивой. Поскрипишь зубами да и...

— Чего «и...»? — испуганно говорю я.

— Продукцией комбината начинаешь стимулировать. Галстуками, дефицитной пряжей мэрон, капроновой нитью. А также упомянутыми костюмами, купленными для своих физкультурников.

— Какое же это преступление? — разочарованно тяну я. — Это вы от безвыходности делали. Были, так сказать, передаточным пунктом между комбинатом и «левым» сектором. А себе ни на грош не взяли.

— Ни вот полстолечко, — подтверждает Николай Петрович. — Но уши-таки надрали: по рекомендации ОБХСС строгача вклеили.

— И вы по-прежнему подкармливаете «леваков» из своей зарплаты?

— А что делать? Лучше уж поконфликтовать с женой, чем с ОБХСС. Да и не уйдешь от подкормки: у нас недостроенные деткомбинат и профилакторий под снегом стынут. Выше Госплана и своих надранных ушей не сиганешь.

— Ой, не сиганешь! — подтверждаю я. — Сам пробовал.

Нет, что бывает, то бывает: случаются факты, вызывающие справедливые нарекания граждан. Граждане полезно сигнализируют о них в печать. Печать полезно негодует. Факты, к всеобщему удовольствию, изживаются.

Но иногда в редакционных дверях возникают странные правдоискатели. Возникнув, они интимно спрашивают: «Скажите, у нас есть правда?» И с упоением рисуют жуткую обстановку, окружающую их существование, этаким микроад районного, скажем, значения, где учреждения оборудованы котлами для отваривания поборников справедливости. И всем своим негодующим обликом они манят вас в райисполкомовские или горсоветовские дали, густо начиненные, по их словам, мелкими и крупными безобразиями.

Разговаривают с ними сдержанно.

Во-первых, если бы описанные ужасы существовали, жизнь в означенных даях давно бы прекратилась. Однако о вымирании жизни в каком-либо участке страны пока что ничего не слышно.

Во-вторых, настаораживают глаза таких правдоискателей, источающие не скорбь из-за событий печального свойства, а радостное сияние.

В-третьих, выясняется причина их правдолюбия.

Вот недавно в редакцию явился один слесарь, стонущий под пятой начальника жэка. Год назад ему вклепили выговор, так как он позволил себе гоняться с гаечным ключом за своим коллегой.

Конечно, выговор слесаря огорчил. И он даже пожаловался в райжилуправление. Но факт с гаечным ключом протекал с шумовыми эффектами на людях, которые и подтвердили его.

Другой бы сделал оргвыводы и в дальнейшем не гонялся с железкой за своим ближним. В нашем же слесаре вдруг пробудился мстительный дух разоблачительства. Он внезапно увидел, что на территории, обслуживаемой жэком, урны не везде покрашены, кое-где попадают не охваченные метлой окурки. Пригладевшись к начальнику жэка, он с удовлетворением отметил, что тот поссорился с женой и, следовательно, близок к моральному разложению.

Короче, недостатки жизни доставляли ему великое наслаждение. Огорчали лишь ответы из организаций, куда он сигнализировал. Жэковских промахов, вскрытых слесарем, оказалось недостаточно для приличного скандала. Пришлось окинуть пристальным оком район, а затем и город. Здесь не так стояли дома, не туда ехали автомобили, неправильно падал снег.

Время не топталось на месте. Его бег сопровождался как свершениями, так и некоторыми ляпсусами. К свершениям слесарь дышал ровно. При виде ляпсусов он розовел и, млея от восторга, переносил их на бумагу. Гаечный ключ уже давно выветрился из памяти учреждений. Сам слесарь уже не мстил конкретным обидчиком. Его месть, оторвавшись от жэка, воспарила, качественно изменилась, вошла в привычку, стала чуть ли не инстинктом. Теперь он сам уверовал в бескорыстность своих разоблачений.

В редакцию он пришел в качестве пламенного вскрывателя недостатков. Он благородно негодовал, словно десетки, вытряхивая из карманов разнохарактерные минусы бытия. Дескать, не желаете ли погрызть наших недостатков: очень-но прекрасные недостатки.

И в глазах его отплясывала радость.

Глаз экономиста колхоза «Восток» Зацепко я не видел. От нее поступило письмо. Так, мол, и так, имею желание сообщить вам не из личной выгоды, а более за общее дело: наш председатель — деспот, тиран и к тому же диктатор. И к письму приложена любопытная схема. В центре ее во весь свой деспотический рост изображен

председатель. Глаз у него выпучен, рот раскрыт в истерике, на месте пальцев щупальца.

Вокруг этого чудовища расположена картина полного упадка и загнивания жизни в колхозе «Восток».

И что вы думаете? Приезжаю я в колхоз, хочу заглянуть в глаза Зацепко и не могу. Скрылась она вместе с мужем-механиком неизвестно куда. И вещички поторопилась вывезти. Поняла, наверное, что глаза ее выдадут. И убегла.

А факты бесхитростны.

Было собрание. Председатель, не задумываясь о последствиях, резко покритиковал экономиста за ошибки в составлении производственно-финансового плана. Зацепко критика, конечно, огорчила. Она сразу заметила, сколько недостатков ее окружает. И спешно просигнализировала о них в район и область. Что, безусловно, облегчило ее страдания.

Приехала комиссия, разобралась что к чему. Да, в «Востоке» не без трудностей, но они, к сожалению, характерны для всех колхозов района. Их в административном порядке не устранишь. А председатель как председатель: колхозниками уважаем, со своими не легкими обязанностями справляется.

Тут бы Зацепко нацелить мстительное око на район и область. Как сделал это слесарь. Да помешала географическая специфика. «Восток» — глубинный колхоз. Райцентр и остальной мир надежно защищены от Зацепко лесами и болотами.

Пришлось поменять место жительства, захватив на память все экономические документы колхоза. Супруг Зацепко на прощание изуродовал колхозный мотоцикл, проколов шины, насыпав песок в цилиндр и в коробку передач.

Извольте видеть логический финал правдоискательства, основанного на жажде мести.

Слесарь, оторвавшись в своем разоблачительстве от жэка, просто забыл, кому он мстит. Его месть, приняв неконкретный характер, растекалась по области. Только это спасло жэка от порчи водопровода.

Зацепко же оказалась ограниченной лесным массивом. Ее месть, не расплескавшись, целиком ударила по колхозу.

Но в маскахалаты они рядятся одного цвета — цвета обиженного благородства, бескорыстного раядения за общее дело.

Их выдают глаза, в которых отплясывает мстительный огонек.

Есть мнение, что с талантом рождаются. Лично я с этим не согласен. Мне до сих пор не попалось ни одного новорожденного, который бы чем-нибудь выгодно отличался от остальной бездарной, так сказать, массы своих сверстников. Да и в какой области, скажите на милость, грудному гению проявлять свои задатки, если стихов он не пишет, музыки не сочиняет, а только и знает что переводит пеленки. На этом попроще, возможно, и обнаруживаются свои титаны.

А откуда возникает талант, этого я вам не скажу. Этим вопросом я вплотную не занимался. Но думаю, что лицо, в котором он вдруг пробивается, остается в неведении насчет своего богатства до тех пор, пока окружающие граждане не поставят его об этом в известность.

Правда, бывает, что граждане подозрительно долго молчат. Ты перед ними маешься, колена выкидываешь вроде этого:

«Селедка некая
(не пополам, а прямо
с грехом)
У граждан многих
Славилась успехом»,

а они смотрят сквозь тебя, как сквозь бокал с нарзаном.

Тут уж приходится самому взглянуть в себя и обнаружить черты будущего памятника. И оповестить одно из центральных изданий:

«Вчера ночью, случайно проснувшись, я сходил кое-куда и на обратном пути понял, что по моей гениальности плачет пьедестал. Промолчав жене об этом, что почувствовал поэтом, и забросив в угол шлепанц, я на улицу ушлепалц. Там, обуреваемый прилившими чувствами, я и сложил нижеприкладываемый стих».

Центральное издание, тихой консультантской ночью зачтя стих, рекомендует автору не швыряться зазря шлепанцами, так как не здесь обычно проявляется творческий метод поэта. А также сообщает: «Пьедесталы изготовляем из материала заказчика. Из присланных же вами строчек, дорогой друг, пьедестал получится настолько зыбкий, что вы, думается, сами побойтесь на него взойти».

Здесь я вынужден расщепить обобщенного до сих пор «дорогого друга» на три группы. В зависимости от его реакции на редакционный ответ.

К первой группе относятся те самотечные стихотворцы, которые, получив отказ, только радуются, что гениальности у них, оказывается, кот наплакал. И если ее, слава богу, нет — можно не потеть по ночам над рифмами, а восстанавливать свои силы здоровым сном. Эти новой продукции не шлют.

Второй группе покусителей на пьедестал присуще редкое упорство. Холодный душ редакционных ответов не способен смыть с ее представителей налета оптимизма. С их конвейеров не перестают сходить стихи-уроды. Но в редакцию они поступают со скромной, невоинствующей припиской: «Публикнули бы».

У автора с вышеобнародованными пиитами нет антагонистических противоречий. Наоборот, он симпатизирует первым и ведет любезную переписку со вторыми. Ему приятно в ходе переписки на-

зывать своих адресатов «уважаемыми», посылать им привет и получать от них такие же знаки внимания. Кроме того, история литературы заставляет его быть начеку. В истории литературы отмечались малообъяснимые факты, когда из рядов, казалось, безнадежных рифмачей выходили недурственные поэты. И хотя автор с подобными фактами до сих пор вплотную не сталкивался, он письменно раскланивается даже с лицами, от которых получает такие строчки:

На газоне грыз траву
Аппетитно, впрочем, кстати,
Злой коров. За потраву
Ейный хозяин будет в накладе.

Вдруг в сочинившем их в силу неблагоприятных условий проживания дремлет талантище? Может, он живет в проходной комнате, где трудно сосредоточиться? А ежели он лет через десять сосредоточится и создаст что-либо незабываемое, что тогда? Конфуз будет со стороны профукавшего его автора, и только.

Однако у меня, читатель, болят зубы, голова, печень и дергается правое плечо, что напоминает о существовании третьей группы самотечных стихотворцев. Эти сочинители атакующего стиля. Получив отказ на первую езду стихов, они удивленно вертят его, изучают через лупу, не доверяя невооруженному глазу. И, наконец, выдернув авторучку из колпачка, как шпагу из ножен, колют ею чистый лист:

«Между прочим, мой дедушка участвовал в одной из пятилеток, отец зарекомендовал себя в последующих трудовых буднях, сам я самоотверженно отдаю свой труд в общую копилку, где и потерял безымянный палец. В быту исключительно устойчив, несу общественную работу: заместитель преддомкома по борьбе с бродячими собаками, кошками и другими лицами. Надеюсь, учитывая мой облик, стихи будут размещены».

На что редакция галантно отвечает, что облик ничего себе, но стихи, к сожалению, значительно уступают ему.

Авторучка мстительно обнажается, и в новом послании облик начинает качественно скатываться к стихам:

«Слушай ты, главный редактор, где твоя дальнорзоркость, зачем ты велишь узколобым дуракам составлять рецензии? У них же лимитированное число извилин, если они не учли мою проникнутую трудовым накалом автохарактеристику. Надеюсь, коллега, у тебя хватит ума устранить отмеченные недостатки!»

В ответном письме редактора не видать горячего желания расправиться со своим штатом.

Мстительное перо вновь приходит в соприкосновение с бумагой.

«В Союз писателей. Главному заведующему,— выводит оно.— Ну и ну! Я лично послал сто замечательных стихов, но хотя бы один из них дошел до широких читательских масс. В редакциях сидят бюрократившиеся взяточники, выпускающие в свет лишь тот стих, к которому пришпиlena денюга. Я слышал, что за одну строчку оне цапают по 3 руб. 62 коп. Хорошо еще, что я миниатюрный поэт, а которые слагают поэмы — сколько поллитров они вынуждены оторвать от себя ради любимого хобби!

А раз я денег не шлю, так меня под зад, да? Не выйдет. Не зарастет моя тропа к народу. Я требую, миную коррупцию, закрепить за мной место в изданиях».

Союз писателей, естественно, игнорирует данное послание. И место в литературе за его автором не закрепляет.

Из-под мстительного пера рождаются строки, адресуемые Совету министров:

«А что у нас сочиняют? Вот недавно я вырезал откуда-то про приближение весны:

Морозный день...
Зато над головою
В переплетенье сучьев,
в черной сетке,
Стекая по стволам,
на каждой ветке
Висит лавиной небо голубое.

Слыхали, да? До шуток ль здесь. Небо стекает по древесине. Как будто оно жидкое. Вот это маразм! Ясно, что такое могло попасть в печать лишь за двойную взятку: мелкая разбивка строчек увеличивает число поллитров».

...Я уже утверждал, что с талантом не рождаются. И говорил, что не соображу, откуда он берется. Теперь, после процитированных мест, я вижу, как некоторые люди, уже будучи рожденными без таланта, не идут на поводу у природы, а ради признания готовы вцепиться в горло каждому, кто не одобряет их описи.

Так не умолим же, ощутив на своих ранимых интеллигентских горлах чьи-то бездарные челюсти.

В атаку на воинствующего графомана!

Переписка с ГРАФОМАНАМИ

М-ну И. Е.

Дорогой И. Е.!

По случаю получения от вас юбилейного тридцатого письма цитируем избранные отрывки из ваших произведений.

Отрывок первый:

С кухни в нос ширнул мне плов,
Аппетитный, впрочем, кстати...

Отрывок второй:

Ревматизм суставы жует.
Вдруг кукушка мне кукует.

Отрывок третий:

Игнат пришел и кружку пива
У Дуси тучной попросил...
А пиво пенилось игриво...
Игнат аж усы намочил...

Для вящей убедительности свое поэтическое творчество вы сопровождаете прозой:

«Люди, непосредственно сидящие в редакциях, до боли в глазах и в разумах шлифуют материалы, поступающие от своих работников редакции, тогда как материалы, поступающие им в разжеванном виде от автора настоящих строк, игнорируются».

Бесценный И. Е.! Стихи не суставы, которые у вас с большим ап-

петитом пережевывает ревматизм. В разжеванном виде стихи еще менее аппетитны. Поэтому объявляем:

СТИХИ В РАЗЖЕВАННОМ ВИДЕ
РЕДАКЦИЯ НЕ ПРИНИМАЕТ

* * *

Гражданке Л., автору строк, присланных на имя главного редактора:

Ах, дура я, дура, твердила себе,
Не буду любить, ну зачем он мене.—

Ах, милая Л., понимая вполне,
Что могут таить и коварство оне,
Редактор послал вам привет от себе.
— Но этих стихов о любви тем не ме,
Не нужно,— сказал он,—
Не нужно мене.

* * *

Ер-ко А. К., стихотворцу, посетителю редакционных кабинетов, в которых его сочинения «рубят на корню».

Просим выслать топор, так как имеющиеся в редакции затупились о первую же строчку вашего стихотворения: «Он (литконсультант.— Э. П) мутным взором кинул виновато».

Также для успешной порубки просим разъяснить:

- 1) Что замутило взор литконсультанта?
- 2) В кого он его кинул?
- 3) Попал или нет?

Кланяемся вам виновато.

* * *

Н-ну З. К., приславшему:

Ко мне пришел водопроводчик
И отопление врубил.
Я ненавижу его очень
За то, что взял с меня рубиль.

И предупредившему: «С высылкой гонорара прошу не затягивать!»

Если бы к вам пришло вдохновение, возможно, вы и получили бы

гонорар. Но так как к вам пришел слесарь-водопроводчик, то гонорар получает только он.

* * *

Р-ву Ю. А., затеявшему с редакцией полемику:

«Вы пишете что у меня неполучается ничего и я даже неумею будто бы писать, отсудова вы сами себя в неловкое положение ставите... Будучи в пансионате я купил сто пятьдесят открыток и с первого дня стал писать на них стихи женщинам в день по пятнадцать штук. Писал я примерно так:

Доброго здоровья
Разрешите пожелать,
С вас пример в работе,
Только с вас лишь братъ.
Вы наши богини —
Вы же человек!
Будте же такими
Женщины на век!

Утром встав до подъема я за полчаса разбросал открытки, бросив их под дверь. После завтрака ко мне в комнату тое дело приходили женщины всех возрастов, благодарили, а некоторые просили даже, чтоб я разрешил себя поцеловать. Я разумеется не отказывался и подставлял свою щеку».

На сей раз вам придется подставлять щеку нашим читательницам. За последствия не отвечаю.

* * *

П-ву, сочинившему:

Тебя пишу я,
И пиша,
В груди бушует
Моя душа.
Потом гляжу я:
— Как хороша!
И вновь бушует
Рука, пиша.

Одна уха
И вторая уха,
На голове

Симметрично виша,
Услышав о том,
Что бушует душа,
Сочувствует ей,
Свои мочки чеша.

* * *

В-ву А. А.

Приняли к сведению ваше замечание:

«Чтобы отделать ту или иную вещь до определенного блеска, мне необходимо как бы замкнуть произведение своим чувством, чтобы по нему (как бы электрический ток) пробежала моя интуитивная догадка и соединила разрозненные части целого».

Но не догадка бежит по вашему произведению:

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом...
Белеет вдоль стены высокой
Белье на этаже шестом.
К нему и кошка не прорыщет,
И мышь, и птица не летит...
Лишь только ветер грустно свищет
И простынь плещет, словно кит.

А бегают по нему как бы интуитивно, подсознательно как бы кошка, мышь и птица. Конечно, если приглядеться, они вовсе как бы и не бегают, а отсиживаются кто где, испугавшись чудовищной простыни, которая олицетворяет у вас одновременно парус и кита. Данное совместительство простыни (хотя и соединяет как бы разрозненные части целого) препятствует замыканию произведения, не дает повесить на петли рифм хорошее увесистое чувство.

* * *

Ч-ву Д. И.

С удовлетворением ознакомились с вашими стихами:

Ипат от злости стиснул зубы,
А как закричит тряслися губы.
— Я вам не тот, как кто другой!
Уж не парнишка, не молодой!
Имею дом свой и жену,
Мне ставит глупые вопросы
И говорит: «Ипат. Ну! Ну!
Когда уплотишь проф-ты взкосы?

Уважаемый Д. И.!

Конечно, Ипат не тот, как кто другой. В этом я вас поддерживаю. Но жена Ипата как раз та, как кто другая. Она правильно беспокоится об уплате проф-им взносов.

И еще. Много у нас не тех, как кого других. Надо было бы вопрос о неплательщиках поставить шире. И закончить произведение так:

«А проф-вы уплатили взносы?»

* * *

Ч-о И. А., приславшему, по его словам, «веселое творчество»...

Однако этот обормот
Допустил большой просчет:
Его били сильно там —
По зубам, спине, бокам.
И бороденку растрепали,
Когда печенку подшибали,
Да и модный фрак
Потерял там варнак,

...и предупредившему редакцию: «Мое творчество на уровне мастерства Лермонтова».

Из-за отсутствия консультантов и критиков, пишущих на уровне мастерства Белинского, оценить ваше творчество затрудняемся. Просим снизить уровень поэтического мастерства хотя бы до раннего Фета.

* * *

А-ву Т., заклеившему парикмахеров:

Клиент приходит в зал фойельный,
Ему стрижельник крикнет: «Стоп!
Внеси сначала, друг забвенный,
Мне за подстрижку сорок коп!»
За сорок коп на стриж сажает,
Гoley старается остричь,
Острижку влагой промывает...

Как удалось выяснить, сидение клиентов на стрижках действительно стоит сорок коп., на канарейках — пятьдесят коп., на попугае ара — один рубль. За двадцать коп. можно посидеть на воробье.

* * *

Б-ву А., предложившему редакции:

И он решил не оставлять уюта.
Пуškai в чащобы лезут чудаки.
Поужинав, в вечерние минуты
Он залезал в науки уголки.

Лазить по уголкам науки на сытый желудок не такое уж легкое занятие, как вы думаете. Лучше бы ваш герой проникал в уголки натошак. В утренние минуты.

* * *

И-ву Г. А., сетующему:

Я через рифмы пропускаю строчки,
На рифмы леденящие дышу.
Над И литконсультанты ставят точки,
А я пишу, пишу, пишу, пишу.

Просим приостановить конвейер по пропусканию строчек через сердце и хотя бы временно не писать, так как у наших литконсультантов кончились точки.

* * *

Ч-ну В. А., описавшему стихами в прозе трогательную историю двух сердец:

«Юрий Крылашкин припочетал футбол и органную музыку. Но однажды он увидел что в прорубе не далеко от берега кто-то барахтается. Юрий огромными прыжками достиг берега и кинул к утопающему ремень и вдруг как ужаленой подскочил, перед ним вся дрожь стояла хорошенькая девушка. Он подхватил ее и рысцом помчался вместе с девушкой в поликлинику... А через неделю у них состоялась свадьба».

Вы не сообщаете, как Юрий достиг загса: галопом, вскачь или огромными прыжками. И припочетает ли он теперь футбол и органную музыку.

* * *

Е-ву М. Л.

А собеседник падает на взнич

И только слышишь «Хо! Хо! Хо! да «Ха-Хи!»,

Когда рассказывать начнешь ему про дич,
Про разные охотничьи там страхи.

Надеемся, что ваш собеседник при падении не получил таких же сильных увечий, как слово «навзничь».

* * *

К-ну В.

Как же мне не веселиться,
Как же мне не петь:
Ведь сегодня «День милиции» —
Его надо отметить!

Жалко, в редакции нет свистка и мегафона. Так и хочется свистнуть и сказать погромче: «Гражданин, вернитесь назад! Вы неправильно осуществили переход к четвертой строчке!»

* * *

Г-ну В. И. на абзац из его рассказа:

«Мое негодование вскипело еще пуще. Наступал критический момент, когда должен произойти взрыв в форме тупого удара кирпичем по голове этого негодяя, который фактически без ножа меня зарезал».

Это неспортивно: вас зарезали без ножа, вполне интеллигентно, а вы хватаетесь за кирпич. Попробуйте не прибегать к помощи строительных материалов.

* * *

И-ву А.

Да как будто весна в моем сердце
По весеннему будто ручей
Оно скинуло льда толстый панцирь
Тонны льда с моего сердца плечей.

Ледник, сошедший с плечистого сердца, смел на своем пути все знаки препинания.

* * *

Х-ну С., автору четверостишия:

Всего лишь даести грамм мне масла свесила,
А мне понравился уж профиль обаятельный.

Приду, на хлеб намажу и съем весело
И вспомню нашу встречу обязательно.

Намазывая обаятельный профиль на хлеб, помните закон падающего бутерброда. Следите, чтобы хлеб не упал профилем вниз и не нарушил его обаятельности.

* * *

П-ну Н., воскликнувшему и вопросившему:

О, солнце! Распусти все почки
И вскипяти всю нашу кровь,
Анализ мы без проволоочки
На кровь сдадим.
Где ты — любовь?

Выкипела, должно быть.

* * *

М-и Д., обратившемуся в редакцию со словами:

«Прошу, дорогие коллеги, напечатать этот юмористический рассказ, который я придумал, лежа в кровати».

Печатаем частично:

«...Папа вскочил и стал угрожающе надвигаться на дочь, вращая глазами... «Как?!» — завопил папа и в бешенстве схватился за голову руками. Но так как в руке у него была горящая папироса, волосы от этого задымались... Между тем волосы его разгорались все ярче и стали потрескивать... Красный, как рак, с оставшимся на голове маленьким чубчиком вместо большой шевелюры волос он хватался в судороге за стены и разевал рот...»

Дорогой коллега! В редакции нет кровати, поэтому ваш рассказ прочитали, сидя за столом. По нашему мнению, папа уже готов — пора подавать его к пиву.

* * *

Н-бе Н., который пишет:

«Здравствуйте! Все ли в этих строчках так?

Забыл он про кино, про танцы
Под сенью жениной любви.
Как бы сказали иностранцы:
Увы..., но все же се ля ви!»

Хоть что-то в строчках и не так,
Отвечу все же: «Гутен так!»

* * *

Г-ли Н., предложившему редакции прозаические строчки:

«...Вдруг почему-то захотелось взглянуть на хмурое осеннее небо. Во исполнение моего желания опрокинул голову назад и довольно долго всматривался в него. Впрочем, не так уж долго, как только шея стала болеть, совершил обратное движение моим надплечным устройством и посмотрел на часы...»

Когда вы опрокинули свое надшейное устройство, словно стакан с водой, оно, надо думать, сверзилось на пол, откуда и наблюдало за хмурым осенним небом. Следовательно, надплечное устройство вряд ли могло вернуть блудное надшейное устройство на его законное место. Для этого, очевидно, потребовалось вмешательство ручных и ножных устройств, о чем вы почему-то умалчиваете.

* * *

У-ву В. В., воспевшему курицу, пародирующую собаку:

Она красавицей себя
Средь кумушек считает
И, перышки на крыльях теребя,
Хвостом виляет.

Если ваша курица научится еще и лаять, ее можно будет посадить на цепь, а на калитке прибить табличку: «Осторожно! Злая курица!»

* * *

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАЩИТУ ОСЛОВ

Наверное, пора при обществе охраны природы открыть секцию охраны ослов, иначе это трудолюбивое животное будет окончательно скомпрометировано. Ибо участились случаи ословыпадов, этой разновидности литбраконьерства со стороны баснописцев.

Осел ревел с утра до ночи,
Старался, брызгая слюной,
А конь трудился, что есть мочи,
Хребет ломая становой.

М-ву Я. Г., автору сего:

Одно из двух — или осел у вас не кормлен и орет от голода, забыв о наличии у себя станowego хребта, или его рев вызван жалостью к коню, которому грозит бесхребетность. В обоих случаях редакция солидарна с ослом.

Осел дружил с типичными ослами,
В союз нехватких встал с тюленьем.
В делах не шевелит чудак мозгами,
Враждует он с опереженьем.
Их помыслы сошлись в одном —
Борьбу вести с Ежом.
Вступил в союз Тюлень с Ослом
И в бой манил хвостом.
Осел не порывает связь с ослами
И просится как образ в стих.
Он все стоит и хлопает ушами,
Примерный стал бы, но без них.

П-це Я. Г., автору сего:

Редакция одобряет двойственный союз осла с тюленьем, который позволяет им в своей вражде к ежу идти с опереженьем графика. Но почему вы отдаете предпочтение в этом союзе не ослу, а тюленью? Вы наделяете тюленя призывно манипулирующим хвостом и в то же время, по существу, призываете ампутировать ослиные уши, не замечая, что его хлопанье ушами тоже есть призывный сигнал к атаке.

Ослов и прочих разных психов
Родят не только лишь ослихи.

К-ко Б. А., автору сего:

Ваше утверждение, что ослихи, кроме ослов, могут рожать еще и нечто другое (прочих разных психов), голословно. Поясните, кого конкретно, кроме ослов, они рожают: верблюдов, удавов или кенгуру?

...Как видим, ослов (и ослих) необходимо взять под защиту. Так выбьем перо из браконьерских рук! Постоем за репутацию полезного животного.

СОДЕРЖАНИЕ

Зовущие дороги	3
Ну что сказать вам про любовь	5
С коровой по инстанциям	8
В общем и целом	11
Сосуд Пандоры	13
Стакан голубого озера	16
Экзотическая корова	19
Несовместимые качества	22
Мера активности	24
Любовь на сбернижке	26
Выше не сигаешь	29
Мстительное око	31
Струда берется талант	34
Переписка с графоманами	38

ЭДУАРД ИВАНОВИЧ ПОЛЯНСКИЙ

ЭКЗОТИЧЕСКАЯ КОРОВА

Редактор З. Ю. Юрьев.

Техн. редактор Г. И. Огородников.

Сдано в набор 14/ХП 1972 г. А 02540. Подписано к печати
 6/III 1973 г. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Объем 2,10
 усл. печ. л. 2,72 учетно-изд. л. Тираж 75 000. Цена 8 коп.
 Изд. № 700. Заказ № 3879.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
 типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
 Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Что за тип «ХАВАЛ-БАХВАЛ!» Подробные объяснения по этому поводу дает калмыцкий сатирик Михаил ХОНИНОВ в сборнике под этим названием.

«В ГОРУ СО СВИСТОМ» приглашает идти читателей сатирик Вик. МАРЬЯНОВСКИЙ. Во время коротких привалов автор будет представлять отрицательных героев, прописанных в одноименной книжке рассказов и фельетонов.

«ПРЕМЬЕРА!» Нет, нет, не в театре. Тонкое кулинарное искусство тоже имеет свои дебюты и премьеры.

Об этом и речь в книжке Василия СУХАРЕВИЧА. И не только об этом.

Цена 8 коп.

